

Примечания автора

Возможно, читатели удивятся, но все цитируемые в тексте письма премьер-министра подлинные, равно как и телеграммы, газетные репортажи и официальные документы, а также переписка между Венецией Стэнли и Эдвином Монтегю.

Однако все письма Венеции Стэнли премьер-министру полностью выдуманы.

Пол Димер — вымышленный персонаж.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ МИР

2–23 июля 1914 года

Глава 1

Ранним утром в четверг, в самом начале июля 1914 года, девушка с мокрыми темными волосами размашисто шагала по Оксфорд-стрит от озера Серпентайн в Гайд-парке к Мэрилебон. В одной руке она держала бежевую льняную панаму, а в другой — мокрый купальный костюм и шелковые чулки, завернутые в темно-синее полотенце.

Девушка явно спешила, но не срывалась на бег, так как было слишком жарко и многолюдно, к тому же она не привыкла открыто выказывать нетерпение. Тем не менее высокая стройная девушка шла быстро и так деловито, что прохожие расступались перед ней.

Было чуть больше полудня, когда она свернула на улицу с георгианскими домами, где находилась лондонская резиденция ее родителей. На другой стороне улицы почтальон, разносящий дневную почту, остановился на крыльце сверкающего белой штукатуркой особняка с симметричным фасадом и что-то разыскивал в своей сумке.

Если удача не изменила ей, она подошла как раз вовремя.

Она перешла улицу, пожелала почтальону доброго утра и проскочила мимо него под портик, а затем через широкую парадную дверь в душный полуденный полумрак холла.

Почта все еще лежала в проволочной корзине.

Девушка ухитрилась вытащить знакомый конверт за мгновение до того, как из глубины дома появился слуга,

посланный отцом за свежей корреспонденцией. Спрятав свое письмо, она передала остальное слуге и начала подниматься по лестнице, но на половине пути ее окликнула из утренней гостиной мать, леди Шеффилд:

— Как искупалась, дорогая?

— Божественно! — ответила девушка, не сбиваясь с шага.

Закрыв за собой дверь в комнату, она бросила купальные принадлежности, швырнула панаму на туалетный столик, стянула платье через голову и упала на кровать.

Затем, лежа на спине, обеими руками поднесла конверт к глазам.

Достопочтенной Венеции Стэнли, Мэнсфилд-стрит, 18, Портленд-плейс, Западный Лондон.

Она подцепила пальцем клапан конверта, надорвала его и вытащила сложенный пополам лист плотной почтовой бумаги, датированный сегодняшним днем.

2 июля 2014 года

Сегодня у меня настроение намного лучше — в основном из-за тебя. Надеюсь, вчера я не сильно тебя расстроила. Ты очень добра и отзывчива и помогла мне, как всегда. Я от всего сердца благодарен тебе. Полагаю, сейчас ты плещешься где-нибудь в воде в компании леди Скотт¹. Мне же сегодня предстоит довольно скучный день, включая встречу с королем в 16:30. Оттолайн² пригласила меня вечером на обед, так что, может быть, мне удастся повидаться с тобой... Благослови тебя Господь, моя милая!

Письмо не было подписано. В последнее время он из предосторожности не упоминал ни свое, ни ее имя.

¹ *Кэтлин Скотт* — британский скульптор, жена исследователя Антарктики Роберта Скотта. — Здесь и далее примечания переводчика.

² *Леди Оттолайн Виолет Анна Моррелл* — английская аристократка и меценатка, игравшая важную роль в литературной жизни Лондона.

Она перечитала письмо еще раз. Он будет ждать от нее незамедлительного ответа и встревожится, если не получит, даже если с ней не произошло ничего примечательного с момента их вчерашней встречи. Она отнесла письмо на туалетный столик, села, без особого интереса рассмотрела себя в зеркале и взяла лист бумаги. Открутила колпачок перьевой ручки, задумалась на мгновение, а потом быстро-быстро принялась писать:

Я только что вернулась после чудотворного купания в Серпентайне вместе с Кэтлин. Она посрамила мой жалкий брасс своим мощным кролем. Поразительно, но нам удалось за целый час ни разу не вспомнить о ее бывшем супруге и даже о Южном полюсе. Разве это не настоящий рекорд? Вода была восхитительно прохладной, даже несмотря на толпу. Какое жаркое лето — почти как три года назад! Я так счастлива, что ты повеселел. Ты найдешь выход из этого ирландского клубка, как всегда находил. Милый, я не смогу прийти сегодня на обед к Оттолайн, потому что уже пообещала Эдварду и Казаку, что отправлюсь с ними в ночное плавание по реке от Вестминстера до Кью. Ты знаешь, что я бы предпочла быть вместе с тобой. Но мы увидимся завтра. Со всей любовью.

Несмотря на спешку, ее стильный каллиграфический почерк оставался четким, как печатный шрифт. Свое имя она тоже не написала. Подув на блестящие черные чернила, она подписала конверт: *Премьер-министру, Даунинг-стрит, 10, Юго-Западный Лондон*, наклеила однопенсовую марку, вызвала колокольчиком горничную Эдит, преданную и осмотрительную швейцарскую немку, и велела отнести письмо в почтовый ящик. В 1914 году почту в Лондоне доставляли двенадцать раз за день. Он получает письмо к середине дня.

Его ответ прибыл к восьми вечера, когда она спускалась в холл поздороваться с Морисом Бэрингом, ее спутником на этот вечер. Она услышала стук почтового ящика и заметила краем глаза, как Эдит направляется к проволочной корзине.

— Привет, дорогой Морис! — протянула она ему руку.

Это был богатый сорокалетний лысеющий литератор, поэт, чьи стихи когда-то и в самом деле издавались («Незабудка и Ландыш», 1905 год), но теперь, увы, забытый. Он был в белом галстуке и во фраке с красной гвоздикой в петлице. Морис наклонился поцеловать ей руку, и его мягкие усы пощекотали ее запястье. Она ощутила тонкий аромат его лаймовой помады для волос. Чуть раньше леди Шеффилд, обескураженная современными манерами дочери и все больше озабоченная перспективами ее замужества в возрасте почти двадцати семи лет, спросила, уверена ли она, что будет с ним в безопасности.

— Мама, с Морисом я была бы в безопасности, даже если бы нас выбросило голыми на необитаемый остров на долгие годы.

— Венеция!

— Но это правда!

Эдит дождалась, когда хозяйка выйдет на крыльцо, и незаметно передала ей письмо, притворившись, будто поправляет ей платье. Венеция вскрыла конверт, уже сидя в машине рядом с Морисом. Короткая записка с отметкой «16:15» сверху. Это означало, что он написал ее перед тем, как отправиться с Даунинг-стрит на встречу с королем, или уже во дворце, пока ждал аудиенции.

Если это возможно, любимая моя, откажись от этого inferнального плавания по реке и приезжай к Оттолайн. Ты никак не можешь прийти? Было бы славно. А если не получится, буду ждать встречи с тобой позже. Постарайся. Навеки твой.

Она нахмурилась. *Инфернальное плавание по реке...* Она и сама сомневалась, даже после того как приняла приглашение, хотя и по другим причинам. Опыт подсказывал ей, что попасть на вечеринку на пароходе довольно просто, а вот покинуть ее гораздо сложнее, а она мало что в жизни ненавидела больше, чем ощущение дичи, попавшей в ловушку.

Должно быть, Морис заметил перемену в ее настроении.

— Какие-то неприятности с твоим ухажером?

— У меня нет ухажеров, Морис, и тебе это прекрасно известно.

— Ох, я бы не стал так уверенно утверждать...

Она не потрудилась смягчить ни тон ответа, ни колющий взгляд. Боже милосердный, неужели она настолько застоялась в гавани, что даже Морис задумался о билете на пароход?!

— Полагаю, уже поздно бросить эту затею с катанием по реке, а взамен отправиться к Оттолайн? — спросила она.

— Что за причудливая идея? Мы же не приглашены к Оттолайн. Кроме того, на реке будет весело. Там соберутся все.

Под всеми он понимал Котерию, как они сами себя называли, или «порочную Котерию», как их предпочитала именовать пресса, — компанию из двух десятков друзей, причем количество это менялось в соответствии с загадочным коллективным суждением, определяющим, кто из них «забавный», а кто, наоборот, «зануда». Они собирались вместе то в отеле «Кафе Роял», то в мюзик-холле, то на боксерском поединке в Ист-Энде, но чаще всего в «Пещере Золотого тельца», полуподвальном ночном клубе неподалеку от Риджент-стрит.

— Да, думаю, соберутся все, — неуверенно согласилась она, засунула письмо в сумочку и защелкнула ее.

Она не была душой компании. Не напивалась, как сэр Денис Энсон, молодой баронет, способный осушить две бутылки шампанского еще до наступления вечера, не принимала наркотики, как леди Диана Мэннерс («самая красивая женщина Англии»), любившая нюхать хлороформ. Не была она и интеллектуалом, как Реймонд Асквит, чей отец, премьер-министр, как раз и написал то письмо, что лежало в ее сумочке, или независимой и богатой, как Нэнси Кунар, наследница крупного судовладельца, которой едва исполнилось семнадцать. Она проводила время с ними, чтобы скрасить скуку, позлить мать, а еще потому, что никакие их проделки не вызывали у нее шока. И еще одна их общая черта привлекала ее: не закоренелый цинизм, хотя Реймонд, самый старший и острый на язык среди них, циником определенно был, а скорее своеобразное ощущение оторванности от жизни. Порой ей казалось, что на самом деле ничто не имеет значения: ни они, ни мир, ни она сама. И остальные тоже чувствовали что-то похожее.

Погрузившись в привычное молчаливое безразличие ко всему, что может принести эта ночь, она промчалась с Моррисом в роскошном коконе «роллс-ройса» под названием «Серебряный призрак» сначала в русское посольство на Белгрейв-сквер на обед, который устроил Константин Бенкендорф, по прозвищу Казак, сын русского посла, организовавший эту поездку по реке вместе с Эдвардом Хорнером, шурином Реймонда. Затем в том же «роллс-ройсе» они направились к реке, куда после обеда в разных местах уже съезжались на своих машинах и такси остальные гости, вся компания из шестнадцати человек: Клод Расселл и Дафф Купер, дипломаты из Министерства иностранных дел, вцепившиеся в пару бутылок «Боланже», прихваченных со стола матери Даффа, а также его сестра Сибил Харт-Дэвис и Айрис Три, модель и актриса, разодетая сверх всякой меры, Джаспер Ридли, ад-

вокат, женатый на сестре Казака, конечно же, Реймонд со своей женой Кэтрин и ее брат Эдвард Хорнер, еще один молодой юрист.

Они целовались, обнимались и болтали о том, как весело провели время. Молодые женщины, похожие в ярких разноцветных платьях на райских птиц, и мужчины в цилиндрах и одинаковых черных фраках с белыми галстуками спускались по каменной лестнице, ведущей с набережной к Вестминстерскому причалу, а любопытная толпа наблюдала за ними, перегнувшись через парапет. И Венеция шла за ними, подобрав обеими руками шелковую юбку, чтобы та не волочилась по земле.

Пароход оказался внушительнее на вид, чем она ожидала, — большое викторианское прогулочное судно под названием «Кинг», способное вместить пятьдесят пассажиров. Высокая труба между носовой и кормовой палубой была увешана китайскими фонариками. Отражения шаров лимонного, лаймового и розового цвета распадалась и снова возникали на гладкой маслянистой поверхности воды. Ночь была жаркая и тихая, с половинкой луны на ясном небе. Сквозь иллюминаторы главного салона виднелся уже сервированный шведский стол, бутылки шампанского в ведерках со льдом и мерцающие в канделябрах свечи. Как только круглые желтые часы Биг-Бена, светящиеся, словно вторая луна, пробили одиннадцать, на носу парохода квинтет музыкантов, нанятых из оркестра Томаса Бичема в Ковент-Гардене, заиграл «By the Beautiful Sea», хит этого лета.

Денис первым взбежал по трапу, схватился за столб с подвешенными фонариками и взобрался на фальшборт. Он присел на мгновение, затем выпрямился во весь рост, балансируя с широко разведенными руками на узком ограждении между палубой и рекой. Зрители на набережной зааплодировали. Денис беспечно развернулся и на-

правился в сторону кормы, словно канатоходец, с осторожностью переставляя ноги с носка на пятку, одну строго перед другой. Дойдя до конца фальшборта, он повернулся лицом к причалу. И стоял так с четверть минуты, выделяясь темным силуэтом на фоне реки и огней дальнего берега, покачиваясь и рискуя сорваться.

— Ох, Винни, посмотри на Дениса, — сказала Диана. — Неужели он настолько пьян?

— Он очень пьян, — ответила Венеция. — Иначе не стал бы этого делать.

Внезапно Денис вскинул руки, упал спиной вперед и пропал из виду. Все, кроме Венеции, одобрительно рассмеялись. «Какой же он бестолковый молодой зануда!» — подумала она и в то же мгновение решила.

— Морис, мне ужасно жаль, но я что-то неважно себя чувствую. Ты простишь меня, если я потихоньку сбегу отсюда?

— О нет, не может быть! Это так необходимо? Какая досада... — Он огляделся.

Остальные собрались у трапа. Она видела, что Морису хотелось уплыть со всеми, но он был джентльменом и не мог бросить ее.

— Я только скажу им, а потом отвезу тебя домой.

— Нет, оставайся. Не хочу портить тебе вечер. Можно я попрошу твоего шофера отвезти меня?

— Да, конечно... если ты твердо решила.

— Передай мои извинения Конни и Эдварду. Завтра я тебе позвоню.

Она поняла, что и сама немного пьяна. Осторожно поднимаясь по лестнице, она ни разу не оглянулась, даже когда Реймонд окликнул ее с явным упреком в голосе: «Венеция!» Она одновременно чувствовала и вину, и облегчение, как будто ушла в антракте с плохой пьесы. За спиной раздался короткий предупреждающий гудок парохода.

Когда Венеция, поднявшись на набережную, посмотрела вниз на реку, пароход уже отходил от причала. Она оперлась локтями на холодный каменный парапет и стояла так какое-то время, наблюдая за китайскими фонариками и движущимися по палубе силуэтами, слушая смех, музыку и пение, что отчетливо разносилось в теплом летнем воздухе:

У моря, у моря, прекрасного моря
Мы вместе, мы вместе забудем о горе...

Когда пароход скрылся под Вестминстерским мостом, она отправилась искать «Серебряный призрак» Мориса. Пять минут спустя Венеция уже плавно скользила по Парламент-стрит мимо въезда на Даунинг-стрит. В темном проулке светились красным задние фары автомобиля, и ей пришло в голову, что он, должно быть, только что вернулся с обеда. Она подумала, не попросить ли шофера притормозить и высадить ее, но тут же отмахнулась от этой идеи.

Она была слегка навеселе. И это мог быть вовсе не его автомобиль. А даже если и так, все равно бы ничего не вышло.

Глава 2

Ночь скоротечна, воздух не успел остыть, небо пылало звездами. Когда без пятнадцати пять над Лондоном взошло солнце, можно было подумать, будто ночи вовсе не было.

На третьем этаже причудливой викторианско-готической твердыни, стоявшей на берегу Темзы в Вестминстере и известной как Новый Скотленд-Ярд, в круглой юго-западной башне, где размещалась ночная дежурная служба столичной полиции Лондона, молодой детектив-сержант оторвался от газеты и заметил, как сквозь щелки деревянных ставней просачивается солнечный свет.

Смена выдалась спокойной. Пользуясь служебным положением, старшие коллеги один за другим ушли с дежурства пораньше, оставив на посту его одного. Маленький душный кабинет пропитался тяжелым запахом табачного дыма и мужского пота. Сержант распахнул ставни, поднял оконную раму и встал у открытого окна в расстегнутом жилете и без пиджака, любуясь панорамой города: солнечными бликами на прибывающей воде; чайками, что с криком пикировали к отмелям; огромной притихшей строительной площадкой на другом берегу, которая станет когда-нибудь новой штаб-квартирой Совета Лондонского графства; одиноким красным омнибусом, проезжающим по мосту Ватерлоо к зданию парламента; прогулочным

пароходом с высокой трубой, увешанной потухшими фонариками, что стоял прямо под ним, у Вестминстерского причала.

Пароход казался серым, печальным, опустошенным.

На дорожке, ведущей к пароходу, неподвижно сидели или стояли, опираясь на каменную балюстраду, больше дюжины элегантных мужчин во фраках с белыми галстуками и женщин в вечерних платьях, а также четверо музыкантов, державших в руках футляры для инструментов, и за всей этой группой наблюдали двое констеблей в форме. На набережной, возле припаркованных четырех автомобилей, среди которых был один «роллс-ройс», курили, сбившись в кучку, водители.

Должно быть, сержант разглядывал эту необычную картину несколько минут, не придавая ей особого значения, пока у него за спиной в первый раз после полуночи не зазвонил телефон.

Он отошел от окна, взял подсвечник одной рукой, другой поднес к уху трубку и деловито произнес:

— Скотленд-Ярд, ночная дежурная служба.

— И с кем я могу поговорить? — проскрежетал в потрескивающей трубке мужской голос с намеком на ирландский акцент.

— Детектив-сержант Пол Димер. А вы кто?

— Отлично, детектив-сержант Пол Димер. Это суперинтендант Патрик Куинн. Вы должны знать, кто я такой.

— Да, сэр. — Димер внезапно насторожился; Куинн был главой Специального отдела, отвечавшего, помимо всего прочего, за охрану чиновников высокого ранга, а в начале своей карьеры служил телохранителем королевы Виктории. — Доброе утро, сэр.

— Кто-нибудь из инспекторов есть на месте?

— Еще нет, сэр. Первый подойдет к шести часам.

Куинн быстро зацокал языком, а потом сказал:

— Ну хорошо, слушайте: ночью на речном пароходе произошел несчастный случай. Двое мужчин, предположительно, утонули.

— Да, сэр.

— Среди находившихся на борту были сын премьер-министра и сын русского посла. Мне доложили, что пароход уже вернулся к Вестминстерскому причалу. Он называется «Кинг».

Димер перенес телефон ближе к окну. Группа на набережной не сдвинулась с места.

— Кажется, я вижу его из окна кабинета, сэр. Это и были те двое мужчин, которые пропали?

— Нет-нет, с ними обоими все, слава богу, в порядке. Но вы должны понимать, почему меня разбудили среди ночи, — произнес он, и его голос совсем не казался довольным. — Мне нужен офицер полиции, который спустился бы на набережную, убедился бы в отсутствии каких-либо подозрительных обстоятельств, а потом отпустил бы всех по домам до того, как появятся репортеры. Вы можете сделать это для меня, детектив-сержант Пол Димер?

— Да, сэр.

— Молодец. Дайте мне знать, как все пройдет. И не забудьте вести себя почтительно. — И Куинн, не дожидаясь ответа, повесил трубку.

Димер снял пиджак со спинки стула, надел, застегнул пуговицы, поправил галстук перед зеркалом над камином, облизнул пальцы и пригладил волосы и усы. Затем забрал с вешалки котелок и бегом преодолел три лестничных пролета. Фактически он не имел права покидать кабинет дежурного. Но у него был приказ суперинтенданта. Димер чувствовал, что эта трагедия дает ему шанс отличиться.

Он пересек внутренний двор и, слегка запыхавшись, с учащенно бьющимся сердцем, вышел на набережную. Чуть помедлил у ворот, восстанавливая подобающий полицейскому невозмутимый вид, прежде чем перейти широкую пустую улицу, пройти мимо кучки шоферов и спуститься по лестнице к воде. Первым делом он направился к двум констеблям и предъявил свое полицейское удостоверение. Они скептически посмотрели на него. Оказалось, что выглядеть моложе своих лет для полицейского не так уж и хорошо.

— Стало быть, здесь произошел несчастный случай, — бодро начал он, пытаясь изобразить значительный вид. — Вы знаете имена пропавших?

Старший из двух констеблей достал блокнот:

— Сэр Денис Энсон и мистер Уильям Митчелл.

— Как это случилось?

— Энсон спрыгнул с корабля.

— В Темзу?

Это казалось полной нелепостью.

— Второй пропавший, Митчелл, нырнул в воду, чтобы его спасти, но сам угодил в неприятности. Это был один из приглашенных музыкантов. Третий джентльмен, мистер Бен-кен-дорф, — произнес он с легким подозрением в голосе и ткнул большим пальцем в сторону молодого человека, который сидел на ступеньках, опустив голову и закутавшись в плед, — тоже бросился на помощь, но к тому времени они оба скрылись под водой.

Димер сделал пометки в блокноте:

— Где именно это произошло?

— У моста Баттерси. Они уже возвращались с прогулки.

— Когда?

— Около трех часов ночи.

— Тела обнаружили?

— Речная полиция Челси их все еще ищет.

Димер поднял взгляд на констебля:

— Значит, какая-то надежда еще есть?

— Нет. Капитан парохода Уильям Уайт говорит, что был сильный отлив. Их искали целый час, пока не сдались. Я считаю, их можно отпустить. Нет здесь ничего такого, на чем вы могли бы отточить зубы, сержант.

Второй констебль ухмыльнулся.

— Вы взяли показания свидетелей, находившихся на борту?

— Более или менее. Не все видели, что случилось... а те, кто видел, говорят одно и то же.

— Мне понадобятся ваши записи. Подождите здесь. — Димер подошел к Бенкендорфу и сел на корточки перед ним. — С вами все в порядке, сэр? Я из полиции. Вам нужна медицинская помощь?

Русский поднял голову. По его бледному лицу тянулись темные полосы — может быть, мазут? От него пахло сточной водой.

— Нет, я просто устал, только и всего.

— Вы поступили очень смело, сэр.

Он покачал головой:

— Нет, это музыкант был смелым. А я даже близко к ним не подобрался. Никогда раньше не сталкивался с таким отливом... как будто сам дьявол вцепился мне в ноги и тянул под воду...

— Вам нужно снять мокрую одежду и отправиться домой спать. Мы вас больше не задерживаем. Кто здесь мистер Асквит?

Бенкендорф повел головой в сторону человека, который растянулся во весь рост на причале, скрестив ноги, сложив руки на груди и надвинув цилиндр на глаза. Вероятно, он спал.